

Инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 2)¹

Рубцов Г. Г., Мисько О. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7351-7455

РЕФЕРАТ

Цель. Цель исследования — проанализировать закономерности развития социальной политики Российской Федерации, республик Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Армении, рассмотреть их слабые места и точки роста с целью выявления потенциала для усиления интеграционных связей на базе унификации инструментов социального развития.

Задачи. Проанализировать различные направления социальной жизни стран — членов ЕАЭС, выявить сходства тенденций развития с целью создания базы для формирования единых социально-экономических преобразований. Продемонстрировать социальный инструментарий развития «трансинституционального сотрудничества»² в границах Евразийского экономического союза.

Методология. Использованы методы: институционального анализа, сравнительного анализа — для сопоставления эффективности инструментов социальной политики в странах ЕАЭС. Новизна заключается в совершенствовании интеграционных процессов стран Евразийского экономического союза с помощью предложенного авторского подхода унификации социальных политик стран — членов ЕАЭС на базе «трансинституционального сотрудничества».

Результаты. Проведен комплексный анализ инструментов социальной политики (миграционной, молодежной, трудовой, жилищной и т. д.) всех участников евразийской интеграции. Предложены рекомендации по совершенствованию социального инструментария в рамках «трансинституционального сотрудничества» государств ЕАЭС.

Выводы. Проведенный анализ инструментов социальной политики закладывает приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «трансинституционального сотрудничества», выраженные в авторских рекомендациях в данном исследовании. Республики Кыргызстан, Армения и Казахстан должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик, Российская Федерация и Республика Беларусь — сфокусироваться на вопросах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, а также поощрения развития институтов семьи и материнства, что подробнее раскрывается в отдельных блоках исследования, посвященных конкретным направлениям социального развития стран ЕАЭС.

Ключевые слова: социальная политика, ЕАЭС, Евразийский союз, институциональное сотрудничество, социальное государство, молодежная политика, миграционная политика, пенсия, пенсионная система, миграция, союзное государство

Для цитирования: Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 64–78.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-64-78>

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИР «Интеграционные процессы СНГ: проблемы, возможности и перспективы». Часть 1 см.: Рубцов Г. Г., Мисько О. Н. Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1. С. 50–63. URL: <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/1109>

² «Трансинституциональное сотрудничество» — развитие интеграционных межнациональных связей средствами совместного совершенствования одного или нескольких инструментов наднационального социально-экономического прогресса в различных отраслях и сферах социально-экономического ландшафта.

Instruments of Social Policy of the Eurasian Economic Union (Part 2)

Gennady G. Rubtsov, Oleg N. Misko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7351-7455

ABSTRACT

Aim. Taking into account the above, the purpose of the study was to analyze the patterns of development of the social policy of the Russian Federation, the republics of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia, to consider their weaknesses and points of growth in order to identify the potential for strengthening integration ties based on the unification of social development tools.

Task. To analyze various areas of social life of the EAEU member countries, identify similarities in development trends in order to create a basis for the formation of unified socio-economic transformations. To demonstrate social tools for the development of «transinstitutional interaction» within the boundaries of the Eurasian Economic Union.

Methods. The following methods were used in the article: comparative analysis — to compare the effectiveness of social policy instruments in the EAEU countries. The novelty lies in the improvement of the integration processes of the Eurasian integration countries with the help of the proposed author's approach to unify the social policies of the EAEU member countries on the basis of “transinstitutional cooperation”.

Results. A comprehensive analysis of social policy instruments (migration, youth, labor, housing, etc.) of all participants in the Eurasian integration was carried out. Recommendations are proposed for improving social tools within the framework of “transinstitutional cooperation” of the EAEU states.

Conclusion. The analysis of the instruments of social policy laid down the priorities in the development of the mechanisms of “transinstitutional cooperation” by the members of the EAEU, expressed in the author's recommendations in this study. The Republics of Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan should focus on developing a unified strategy for youth and migration policies. The Russian Federation and the Republic of Belarus should focus on population aging, providing older citizens with pension savings, and encouraging the development of family and motherhood institutions. This is disclosed in more detail in separate blocks of the study devoted to specific areas of social development of the EAEU countries.

Keywords: social policy, EAEU, Eurasian Union, institutional cooperation, welfare state, youth policy, migration policy, pension, pension system, migration, union state

For citing: Rubtsov G. G., Misko O. N. Instruments of Social Policy of the Eurasian Economic Union (Part 2) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 64–78. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-64-78>

Введение

Евразийский союз как образование пяти суверенных государств с большим общим прошлым одновременно характеризуется широким кругом как схожих, так и различающихся социально-экономических параметров. Схожие черты, прежде всего, продиктованы значительным историко-культурным потенциалом, развивавшимся в процессе длительного становления в рамках Российской империи и СССР [3].

Различия вызваны объективными демографическими, географическими и экономическими аспектами [16].

Основные макроэкономические показатели стран ЕАЭС
Table 1. Main macroeconomic indicators of the EAEU countries

Страна	Численность населения на 2022 г., тыс. чел.	Уровень безработицы, % за 2021 г.	Среднемесячная номинальная заработная плата, долл. США за 2021 г.	Валовой внутренний продукт, млрд долл. США за 2021 г.
Россия	145 557,6	4,8	777	1 778,9
Беларусь	9 255,5	3,9	568	68,2
Казахстан	19 503,2	4,9	588	197,1
Киргизия	6 747,3	5,3	228	8,7
Армения	2 961,4	15,4	405	13,9

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Как показывает таблица 1 некоторых основных показателей социально-экономического развития стран Евразийского союза, его члены имеют значительные различия в численности проживающего на их территориях населения. Так, показатель Российской Федерации кратно превосходит суммарную численность лиц, проживающих на всех остальных территориях государств ЕАЭС. В свою очередь, по уровню безработицы показатели Российской Федерации, напротив, сопоставимы с результатами Казахстана и Белоруссии. В то время как Армения испытывает большие трудности с достижением высоких показателей занятости и очевидно нуждается в координации инструментов социальной политики в отношении безработицы, а также рекомендациях, базирующихся на успешном опыте партнеров по евразийской интеграции. В Киргизии отдельного внимания заслуживает вопрос заработной платы и, соответственно, социальный инструментарий, позволяющий добиваться минимальных социальных стандартов качества жизни в регионе.

Анализ нормативно-правовой базы стран Евразийского экономического союза, динамика показателей стран ЕАЭС по показателям «Индекса человеческого капитала», уровня расслоения общества, теневой экономики и т. д. представлены в первой части статьи «Управление социально-экономическим развитием через инструменты социальной политики Евразийского экономического союза», опубликованной в выпуске журнала № 1 (2023).

Сравнительный анализ инструментов социальной политики стран ЕАЭС

Сравнительный анализ инструментов социального развития стран — участников Евразийской экономической интеграции предоставляет базовую информацию для разработки совершенной социальной модели глубоко интегрированной системы ЕАЭС. Кроме того, он позволяет расширять механизмы «трансинституционального сотрудничества», призванного развивать интеграционные межнациональные связи средствами совместного совершенствования одного или нескольких инструментов наднационального социально-экономического прогресса. Так, анализ показателей миграционной политики стран евразийской интеграции демонстрирует (таблица 2):

- колеблющийся, но последовательный миграционный прирост в Российской Федерации;
- волнообразный миграционный отток населения в Республике Казахстан;
- тренд на нивелирование отрицательных миграционных тенденций в Республике Киргизия;
- отчетливо наметившуюся тенденцию на прирост населения в Республике Армения с резко усилившейся положительной динамикой в 2021 г.

Таблица 2

Динамика сальдо международной миграции в странах ЕАЭС, чел.

Table 2. Dynamics of the balance of international migration in the EAEU countries, pers.

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	211 878	124 854	285 103	106 474	429 902
Белоруссия	3 874	9 362	13 870	Нет данных	Нет данных
Казахстан	-22 130	-29 121	-32 970	-17 718	-21 217
Киргизия	-3 925	-5 390	-6 160	-4 861	-769
Армения	286	480	1 701	1 106	4 062

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Основными причинами отъезда из своих стран казахов, киргизов и армян являются вполне очевидные социально-экономические факторы: отсутствие карьерных перспектив, низкий уровень располагаемых доходов и слабая социальная защита от возможности оказаться за чертой непролазной нищеты [10]. Все эти факторы, так или иначе, в некоторых странах в последнее время нивелируются положительным эффектом от грамотно спланированных реформ социальной защиты граждан в сфере труда и занятости, в области социальных гарантий и т. д. [9]. При этом существуют обстоятельства, лишь косвенно относящиеся к социальному вопросу. В частности, рост миграционного потока в Республику Армения интерпретируется полученным положительным экономическим результатом за время интеграции со странами Евразийского союза. Волнообразное нарастание оттока граждан из Республики Казахстан в том числе спровоцировано «языковой угрозой» ухода от широкого использования русского языка во всех общественно значимых сферах жизни казахского общества и перехода с кириллического алфавита на латиницу [6].

Миграция из Кыргызской Республики связана с недостаточно эффективной социальной политикой в стране в области занятости, а также молодежной политикой. При этом угроза национальной безопасности Киргизии вызвана приростом молодого населения в возрастной структуре общества, что очевидно создает избыток рабочей силы в республике.

Таблица 3

Структура населения стран ЕАЭС по возрастам, % на 01.01.2022

Table 3. Structure of the population of the EAEU countries by age, % as of January 1, 2022

Страна	0–14 лет	15–64 лет	65 лет и старше
Россия	17,7	66,2	16,1
Киргизия	33,0	61,8	5,2
Беларусь	16,9	67,1	16,0
Казахстан	29,6	62,2	8,2
Армения	20,2	66,9	12,9

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Как показывает статистика структуры населения по возрастным показателям в странах Евразийского союза (таблица 3), члены ЕАЭС разделяются на две подгруппы, характеризующиеся преобладанием молодого населения над пожилым (Киргизия, Казахстан) и наоборот (Россия и Беларусь).

Данные показатели закладывают приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «транс-институционального сотрудничества», где однонаправленные действия Кыргызстана и Казахстана (в миграционном и демографическом вопросе) должны сосредоточиться на выработке унифицированной стратегии молодежной и миграционной политик. В то время как скоординированные действия Республики Беларусь и Российской Федерации должны сфокусироваться на проблемах старения населения, обеспечения пожилых граждан пенсионными накоплениями, стимулирования роста рождаемости и поощрения развития институтов семьи и материнства, а также вопросах качества въезжающей на территории стран миграционной рабочей силы. Что касается последнего, то, по мнению авторов работы, базовой задачей при разработке совершенной социальной модели ЕАЭС следует считать создание согласованной миграционной политики в отношении так называемых высококвалифицированных мигрантов, базирующейся на принципах взаимной и справедливой выгоды для каждой страны — участника Евразийского экономического союза.

Важнейшим стимулом для жителей практически всех стран ЕАЭС является создание единого, эффективно функционирующего рынка труда. Граждане из менее перспективных областей Евразийского союза мигрируют в страны с лучшими перспективами заработка, карьерного роста и самореализации. По данным исследований, все большую часть миграционного потока в последние годы стало формировать молодое поколение. Более того, все четче прослеживается закономерность: чем лучше у молодого человека уровень образования, тем больше его желание покинуть родину в поисках лучшей жизни. Из страны уезжают выпускники профессиональных учебных заведений по причине отсутствия спроса на профессию, отсутствия стажа, свободных вакансий [11]. В противном случае, столкнувшись с проблемой несоответствия приобретенных во время учебы компетенций с актуальными требованиями рынка труда, молодые специалисты утрачивают веру в себя, перестают развиваться, теряют перспективы карьерного роста, что в конечном счете приводит к распространению такого модного в последние годы «гедонистического» восприятия мира, как «жизнь — чистое удовольствие».

Согласно статистическим данным по рынку труда в странах Евразийского союза, численность безработных граждан в возрасте до 24 лет в процентах от общей численности безработных имеет следующие тенденции (таблица 4).

Таблица 4

Безработица граждан до 24 лет в странах ЕАЭС в % к общей численности безработных, тыс. чел.

Table 4. Unemployment of citizens under 24 in the EAEU countries in % of the total number of unemployed, thousand people

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	21,7	22,4	21,0	18,2	20,2
Беларусь	16,1	19,3	20,2	24,1	20,4
Казахстан	8,7	8,3	8,9	9,2	8,8
Киргизия	35,6	33,0	35,0	28,9	31,8
Армения	21,3	18,6	17,9	15,4	15,2

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

Устойчиво высокий уровень безработной молодежи в анализируемом пятилетнем временном отрезке (с незначительными колебаниями) наблюдается в Республике Кыргызстан, что связано с вышеизложенными в статье причинами. Отдельного внимания заслуживает:

- движение в сторону постепенного сокращения безработной молодежи в Республике Армения;
- волнообразный рост молодежной безработицы в Республике Беларусь, стране, где за тот же период уровень общего количества безработных сократился с 5,6% до 3,9% соответственно.

Совершенная система социальной модели ЕАЭС при выработке единой стратегии развития молодежной политики нуждается в создании отдельного ведомства по молодежным вопросам. Это продиктовано практикой развития стран — участников евразийской интеграции. Там, где существуют подобные ведомства (Россия, Казахстан), упрощается оценка текущей ситуации для принятия превентивных мер, в том числе совершенствования молодежного рынка труда. Важнейшими задачами в рамках «трансинституционального сотрудничества» на уровне молодежного ведомства являются анализ, сопоставление и оценка конечного результата практик применения инструментов молодежной социальной образовательной политики в конкретных странах. В частности, отдельного исследования заслуживает взаимосвязь: государственных расходов на образование (таблица 5), эффективности функционирования образовательной сферы и реальных перспектив вчерашних выпускников в странах получения среднего или высшего образования.

Таблица 5

Динамика расходов консолидированного бюджета на образование в странах ЕАЭС, %

Table 5. Dynamics of expenditures of the consolidated budget on education in the EAEU countries, %

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	10	10,7	10,8	10,2	9,9
Беларусь	17	16,9	17,7	16,4	16,4
Казахстан	14,7	17,1	17,2	18,7	20,5
Киргизия	16,9	17,8	17,9	19,6	17,8
Армения	8,2	8,4	7,9	7,5	9,0

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 547 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

Так, высокие расходы на образование в Белоруссии, Казахстане, Киргизии. Существенно ниже в Российской Федерации, наравне с Республикой Армения, без значительных положительных трендов на рост в 2020, 2021 гг.

Однако для разработки эффективной унифицированной молодежной политики евразийского интеграционного образования требуется успешная практическая база, основой которой, по мнению авторов работы, может послужить реализуемая государственная политика в отношении молодежи в Республике Казахстан. Статистика демонстрирует, что в Казахстане безработной молодежикратно, а в сравнении с Киргизией двукратно меньше, чем в странах Евразийского союза. За основу при разработке стратегического документа для анализа и возможного масштабирования должны лечь материалы региональных, отраслевых и государственных программ, действующих на территории Республики Казахстан, успешный опыт молодежных ивентов (молодежных конгрессов и конференций) и государственных программ — «Молодежная биржа труда», «С дипломом в село». Последняя программа имеет особое значение, так как ориентирована на развитие села — важного, но в последнее время объективно деградирующего направления народного хозяйства.

Содействие молодежной занятости — важнейшая задача в совершенствовании интеграционных процессов евразийского экономического партнерства. Для ее решения одновременно с появлением наднационального молодежного ведомства предлагается развивать службу занятости Евразийского союза, важной задачей которой должно стать планирование и распределение квалифицированной молодежи по регионам ЕАЭС в соответствии с реальным спросом на нее со стороны региональных экономических сообществ.

Вопросы доступности жилья (в том числе для молодежи), поддержки семьи, материнства, отцовства и детства тесно переплетаются как с молодежным аспектом в частности, так и демографией в целом, что особенно важно для Российской Федерации и Республики Беларусь (таблица 6). Вышеупомянутые страны в долгосрочной перспективе обречены столкнуться с демографической перегруженностью. В контексте чего сокращение количества граждан репродуктивного возраста закономерно приведет к снижению уровня

рождаемости и количества браков. Существующий пессимистический прогноз усугубляется реальным положением дел. Сегодня Российская Федерация и Республика Беларусь лидируют по количеству разводов, которые составляют до 60% от количества вступающих в брачные отношения.

Доступное жилье — важнейшее направление развития социальной политики Российской Федерации [8]. Приоритетность направления в рамках развития человеческого капитала в России реализуется различными ведомствами на федеральном и региональном уровнях с 2006 г. в рамках национального проекта «Жилье», где положительная динамика, в частности, отражается в увеличении предоставления объемов жилищного кредитования в 2021 г. на 129,5% в сравнении с предыдущим 2020 г. Аналогичный значительный прирост среди стран характерен для Киргизии — 123%, Армении — 156,6% и особенно Казахстана — 170,3%¹.

Таблица 6

Динамика объема ипотечного кредитования в странах ЕАЭС, млн долл. США

Table 6. Dynamics of the volume of mortgage lending in the EAEU countries, million US dollars

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г., % к 2020 г.
Россия	34 772,2	48 280,9	44 206,4	59 795,7	77 455,4	129,5
Казахстан	1 168,2	1 648,1	2 245,3	2 540,6	4 327,0	170,3
Беларусь	542,4	817,9	867,1	875,9	700,2	79,1
Киргизия	86,1	79,0	104,1	76,1	93,6	123,0
Армения	167,7	208,8	340,3	338,9	530,8	156,6

Источник: составлено авторами по: Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год : статистический сборник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

При этом движение средневзвешенной процентной ставки по долгосрочным кредитам физическим лицам за этот же период в странах ЕАЭС имело следующую динамику (таблица 7).

Таблица 7

Динамика уровня процентной ставки в странах ЕАЭС

Table 7. Dynamics of the interest rate level in the EAEU countries

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	14,8	13,0	13,0	11,1	10,5
Казахстан	18,4	18,3	17,8	16,8	17,5
Беларусь	13,7	11,4	11,1	9,8	11,3
Киргизия	25,9	25,1	24,6	23,5	23,8
Армения	16,4	13,1	13,3	13,4	13,5

Источник: составлено авторами по: Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год: статистический сборник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 27.11.2022).

Отметим снижение процентной ставки по долгосрочным кредитам, к которым относится в том числе жилищное кредитование, практически во всех странах Союза с 2017 г.

В свою очередь, самое высокое значение показателя объема ввода жилья на 1 тыс. чел. населения отмечается в Казахстане. При этом равнонаправленный поступательный рост к 2021 г. наблюдается практически у всех участников ЕАЭС — Российской Федерации, республик Беларусь и Армения (таблица 8).

¹ Артак Маркосян. Демографическая ситуация в странах ЕАЭС и России [Электронный ресурс] // ИноСМИ (inosmi.ru). URL: <https://inosmi.ru/social/20180109/241147462.html> (дата обращения: 26.01.2021).

Таблица 8

Динамика объема ввода в действие жилья в странах ЕАЭС, м² общей площади

Table 8. Dynamics of the volume of commissioning of housing in the EAEU countries, square meter of total area

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	540	515	559	561	635
Казахстан	619	685	709	817	890
Беларусь	399	418	431	443	472
Киргизия	237	207	214	137	196
Армения	71	98	79	79	167

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

Однако при положительных тенденциях в жилищном вопросе экспертами отмечается диспропорциональное развитие жилищного фонда и динамики демографического роста в Евразийском союзе [1]. Это означает, что нарастает нерешенный вопрос развития демографической и жилищной политик. Данный вызов должен прорабатываться в рамках «трансинституционального сотрудничества» всех без исключения стран — членов ЕАЭС. В связи с этим ответственному наднациональному органу на базе успешного опыта жилищной политики стран — членов ЕАЭС в кратчайшие сроки потребуются разработать унифицированный набор инструментов и методов управления развитием жилищного фонда в условиях прогнозируемого демографического роста в странах Евразийского экономического союза.

В странах евразийской экономической интеграции проводимая семейная политика имеет свои региональные особенности. В Республике Казахстан важность семейной политики закреплена на конституционно-правовом уровне. При этом отмечается, что проводимая политика казахстанского правительства в отношении семьи и материнства на практике не выражена отдельным вектором работы государственных органов власти и по-прежнему является одним из направлений социальной политики страны в целом. Отсутствует нормативно-правовая база, стимулирующая к развитию института семьи [5]. Кроме того, значительными преградами считаются: нехватка свободного жилья [12], недоступность детских учреждений, отсутствие в обществе атмосферы приоритета семейных ценностей как таковых. Аналогичные проблемы характерны и для большинства других государств — членов ЕАЭС [15]. Так, объем ввода в эксплуатацию общеобразовательных школ в странах Евразийского союза имел в минувшие годы следующую динамику (таблица 9).

Таблица 9

Динамика ввода в эксплуатацию детских социальных учреждений* в странах ЕАЭС, тыс. ученических мест

Table 9. Dynamics of commissioning of children's social institutions in the EAEU countries, thousand student places

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	108,4	102,1	152,5	138,7	150,0
Беларусь	2,5	2,8	8,5	3,1	8,3
Казахстан	52,3	51,6	33,4	35,7	41,3
Киргизия	13,0	9,6	10,5	7,6	8,1
Армения	0,4	3,5	1,0	2,4	5,5

* Общеобразовательные школы, тыс. ученических мест

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

Таковыми данными характеризуется показатель ввода в эксплуатацию дошкольных учреждений (таблица 10).

Таблица 10

Динамика ввода в эксплуатацию дошкольных социальных учреждений* в странах ЕАЭС, тыс. мест
 Table 10. Dynamics of commissioning of preschool social institutions in the EAEU countries, thousand places

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	40,8	49,9	105,4	97,3	79,9
Беларусь	2,7	2,8	1,7	4,2	3,3
Казахстан	7,7	12,8	8,4	4,9	4,9
Киргизия	3,2	2,6	3,1	3,0	3,9
Армения	0,9	2,2	0,8	0,3	0,2

* Дошкольные учреждения, тыс. мест

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

Как показывают данные, объем строительства социальных объектов детской инфраструктуры республик Казахстана и Киргизии не только не растет, но и, напротив, снижается. И это при том, что данные государства причисляются к странам с молодеющим населением (таблица 11).

Таблица 11

Динамика естественного прироста / убыли населения* в странах ЕАЭС
 Table 11. Population growth / decrease dynamics in the EAEU countries

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	-0,9	-1,6	-2,2	-4,7	-7,1
Беларусь	-1,8	-2,8	-3,5	Н/Д	Н/Д
Казахстан	14,4	14,6	14,5	14,2	13,9
Киргизия	19,4	21,9	21,7	17,9	16,6
Армения	3,5	3,6	3,4	0,1	0,8

* На 1 тыс. чел. населения (%)

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Таким образом, семейная тема является остро выраженной и должна корректироваться в рамках «трансинституционального сотрудничества» членов ЕАЭС. В качестве базы для разработки унифицированного подхода может быть принят российский опыт, где с целью развития семейной политики государством разработана соответствующая концепция до 2025 г. В документе отмечается, что Российская Федерация остро нуждается в новой семейной политике. Такая политика придает преобладающее значение:

- сохранению традиционных семейных ценностей внутри страны;
- роли института семьи и особого трепетного внимания к нему со стороны общества;
- повышению качества семейной жизни.

Большое значение в документе уделяется непосредственно вопросу занятости, позволяющему гражданам совмещать рабочий процесс и уход за детьми за счет неполного рабочего дня или работы на дому. Долгосрочные последствия имеет подпункт концепции, затрагивающий разработку инструментов поддержки коммерческих инициатив для семей с детьми.

Рассматривая социальную политику конкретного государства, необходимо акцентировать особое внимание на системе государственных социальных обязательств, гарантируемых гражданам страны в качестве социальных гарантий, — пенсии, пособия по безработице, выплаты по временной нетрудоспособности и другое.

Пенсионный вопрос сегодня особенно остро встает в ряде стран евразийской интеграции и должен стать предметом межнациональной дискуссии между, по меньшей мере, Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Так, страны имеют схожий удельный вес возрастных групп населения ЕАЭС в 2021 г. (таблица 12).

Таблица 12

Показатель граждан старше трудоспособного возраста в странах ЕАЭС
Table 12. The indicator of citizens older than working age in the EAEU countries

Страна	Граждане старше трудоспособного возраста, %	Количество, млн чел.
Россия	25,3	36,9
Беларусь	24,3	2,3
Казахстан	11,0	2,1
Киргизия	8,3	0,5
Армения	15,1	0,4

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 08.05.2023).

Необходимо отметить, что пожилая социальная группа занимает особое место в системе пенсионного социального обеспечения, поскольку объем социальных выплат для пенсионеров по возрасту в сравнении с другими категориями пенсионеров в странах ЕАЭС достигает до 80–90% от всех пенсионных обязательств. В России и Белоруссии процент пенсионеров по возрасту фактически не различается и находится посередине между Киргизией и Арменией, где он меньше в среднем на 8–10%, и Казахстаном, где пенсионеры по возрасту получают более 95% пенсионного социального обеспечения (таблица 13).

Таблица 13

Доля пенсионеров по возрасту в структуре всех видов пенсионеров в странах ЕАЭС
Table 13. The share of pensioners by age in the structure of all types of pensioners in the EAEU countries

Страна	Пенсионеры по возрасту в структуре численности всех видов пенсионного обеспечения, %
Россия	83,2
Беларусь	81,7
Казахстан	95,2
Киргизия	74,8
Армения	71,6

Источник: составлено авторами по данным: Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 15.10.2022).

При этом показатель величины прожиточного минимума населения пенсионного возраста на душу населения в среднем за год в соответствующих странах имеет расхожую динамику (таблица 14). В Российской Федерации динамика носит колебательный характер, в то время как в Республике Беларусь корректнее говорить о медленном росте. Устойчивая положительная тенденция наблюдается

в Республике Казахстан. В свою очередь, величина прожиточного минимума в Республике Армения на законодательном уровне до сих пор не устанавливается¹. Устранение подобной законодательной коллизии в структуре унифицированной пенсионной системы Евразийского союза способно дать мощный сигнал для армянского общества поддержать интеграционные процессы, включающие в себя одностороннюю социальную политику членов ЕАЭС в области пенсионного обеспечения.

Таблица 14

Динамика величины прожиточного минимума в странах ЕАЭС, долл. США

Table 14. Dynamics of the subsistence minimum in the EAEU countries, US dollars

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	173	164	168	157	158
Беларусь	100	103	109	103	111
Казахстан	73	79	77	80	87
Киргизия	71	70	69	69	74

Источник: составлено авторами по данным: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 124 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/finstat_2021.pdf (дата обращения: 08.11.2022).

В целом похожая тенденция за аналогичный период имеет место в отношении среднего размера пенсий по возрасту в странах ЕАЭС за год (таблица 15).

Таблица 15

Динамика среднего размера пенсий по возрасту в странах ЕАЭС, долл. США

Table 15. Dynamics of the average size of pensions by age in the EAEU countries, US dollars

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Россия	217	246	216	256	227
Беларусь	146	160	173	202	188
Казахстан	120	143	153	145	148
Киргизия	77	83	86	88	81
Армения	88	87	87	86	92

Источник: составлено авторами по данным: Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

Российская Федерация и Республика Беларусь различаются показателями повышения возраста выхода на пенсию к 2028 г. в сравнении с настоящим временем, что является скорее негативным фактором (таблица 16). В Республике Беларусь эта разница, согласно законодательству, составит всего один год: с 62 до 63 лет у мужчин и с 57 до 58 лет у женщин. В Российской Федерации выходить на пенсию станут на 4,5 года позже: в 65 лет мужчины и 60 лет женщины. Изменения не коснутся так называемых «молодых стран» ЕАЭС. Возраст выхода на пенсию в Казахстане, Киргизии и Армении в ближайшее время практически не изменится (за исключением Казахстана, где пенсионный возраст для женщин вырастет на 3,5 года).

¹ Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 26.01.2022).

Изменение возраста выхода на пенсию в настоящее время в сравнении с 2028 г.

Table 16. Change in retirement time now compared to 2028

Страна	В настоящее время Мужчины / Женщины	К 2028 г. Мужчины / Женщины
Россия	60,5 / 55,5	65,0 / 60,0
Беларусь	62,0 / 57,0	63,0 / 58,0
Казахстан	63,0 / 59,5	63,0 / 63,0
Киргизия	63,0 / 58,0	63,0 / 58,0
Армения	63,0 / 63,0	63,0 / 63,0

Источник: составлено авторами по данным: Пенсионное обеспечение. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/PensionEAEU2021.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

Инвалидизация населения — комплексная проблема, затрагивающая все аспекты жизни страны — экономическую, политическую, духовную. Она является результатом развития совокупности факторов: ненадлежащего условия труда, бедности, некачественной медицинской помощи и других социальных аспектов, рассмотренных в данной работе. На сегодняшний день в каждой стране — члене ЕАЭС разработано законодательство, регулирующее государственную политику в области социальной защиты инвалидов, в том числе их трудоустройство и иные виды профессиональной реабилитации [3]. Все государства евразийской интеграции гарантируют инвалидам бесплатное переобучение в учебных заведениях и последующее трудоустройство. В соответствующих законах стран ЕАЭС для граждан с инвалидностью предусматривается квотирование (бронирование) рабочих мест. Однако это не решает проблему. Работодатель не заинтересован в заключении договора с инвалидами по причине значительного количества безработных трудоспособных работников. Задачей «трансинституционального сотрудничества» должна стать коллегиальная разработка унифицированных механизмов правового регулирования трудоустройства инвалидов, а также создание системы социальных гарантий работодателям. Выработанная система может основываться на положении Конвенции № 159 Международной организации труда и включать: запрет любой дискриминации по признаку инвалидности, право инвалида на полноценную жизнь, равенство возможностей. Научно доказано, что трудность в осуществлении полноценной жизни в большинстве случаев обусловлена не столько нездоровьем, вызванным травмой или заболеванием, сколько социальными и психологическими барьерами, ограничивающими возможности инвалидов для активной интеграции в общественную социально-экономическую жизнь [4]. Работа в направлении совершенствования труда для граждан с ограниченными возможностями во всех странах ЕАЭС должна ориентироваться на:

- выполнение плана создания специально оборудованных рабочих мест; привлечение к проблеме малого и среднего бизнеса через механизмы финансового и налогового стимулирования;
- внесение поправок в трудовое законодательство, запрещающих дискриминацию работников с ограниченными возможностями при трудоустройстве;
- расширение норм квотирования для инвалидов;
- создание надгосударственной программы «Персонального сопровождения инвалидов в процессе поиска работы» с формированием соответствующих бюджетных денежных средств на привлечение профессиональных людей, специализирующихся на данном вопросе [14].

Трудовое законодательство стран — членов ЕАЭС, отражающее вопросы социального характера, связанные с минимальным размером оплаты труда, имеет много общего, однако нуждается в унификации нормативно-правового материала. В частности, различны подходы к вопросу оплаты труда в трудовых кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь, где в ст. 130 и ст. 56 ТК соответственно детально прописываются основные государственные гарантии по оплате труда, и кодексах остальных

членов евразийской интеграции, где обязательства по оплате труда для работников отражены достаточно поверхностно [13]. Законодательно различается и понятие минимальной оплаты труда (МОТ).

Так, трудовым кодексом Республики Казахстан устанавливается «минимальный размер месячной заработной платы», а также «минимальный размер часовой заработной платы». В то время как в Армении, Белоруссии и России употребляется общее понятие «минимальная заработная плата». По мнению авторов работы, совершенная социальная модель ЕАЭС в отношении обеспечения труда работающих граждан должна разработать единую систему минимальной оплаты труда по принципу казахстанской модели трудового законодательства. Помимо этого, ставка минимальной оплаты труда может варьироваться от вида деятельности, отрасли и социальной значимости выполняемой работы.

Выводы

Анализ социальной политики стран — участниц евразийской экономической интеграции показал, что объективные внешние факторы, связанные с развитием мирового финансового кризиса и нарастающей глобальной нестабильностью, а также накапливающиеся нерешенные вопросы внутреннего характера заставляют руководство членов ЕАЭС ускорять процессы построения безусловной политики социального государства. Решение подобной «социальной модернизации» в одиночку представляется труднореализуемым, в связи с этим авторами предлагается пойти по пути коллективного решения социального вопроса через однонаправленную, унифицированную социальную политику, построенную на основе «трансинституционального сотрудничества». Последнее позволит усилить интеграционные связи между участниками ЕАЭС, снизить коммуникационные барьеры в рамках межгосударственного диалога, а также создать демонстрационный эффект для присоединения к интеграционным процессам новых потенциальных союзников.

Как показал анализ инструментов социальной политики участников ЕАЭС, евразийская экономическая интеграция, представляющая собой образование пяти государств, характеризуется широким кругом как схожих (в первую очередь историко-культурных), так и различающихся (географических, экономических) параметров. Проведенный анализ инструментов социальной политики (жилищной, семейной, миграционной, трудовой, молодежной и т. д.) закладывает приоритеты при разработке членами ЕАЭС механизмов «трансинституционального сотрудничества».

Выполненная авторами работа (в том числе на основе проанализированных тенденций социально-экономического развития членов евразийской интеграции) позволяет сформулировать новый интегрированный подход к развитию социальной политики стран — членов ЕАЭС на базе «трансинституционального сотрудничества». Прикладное значение отражено в виде предложений и выявленных трендов в отношении перспектив интеграции и имплементации различных социальных механизмов в практику взаимодействия стран — членов ЕАЭС.

Литература

1. Асаул А. Н., Асылбаев А. Б., Ниязалиева К. Н. [и др.]. Динамика развития жилищного фонда в условиях прогнозируемого демографического роста в государствах — членах ЕАЭС // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8. № 4. С. 343–362. DOI:10.18334/zhs.8.4.113688
2. Благодир А. Л. Трудоустройство инвалидов в странах ЕАЭС: анализ законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 53–56.
3. Бородушко И. В. Тенденции и проблемы социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (62). С. 9–15.
4. Васин С. А., Горлин Ю. М., Гришина Е. Е. [и др.]. Организация и проведение комплексного мониторинга положения инвалидов в России в свете Конвенции ООН о правах инвалидов. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 102 с.
5. Жуматова Г. М., Жумаканова У. С., Елеукина Д. А. Основы семейного права в Казахстане и возможности его развития // Молодой ученый. 2018. № 33. С. 98–101.
6. Карманов М. В., Кучмаева О. В., Петрякова О. Л. Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Экономика, Статистика и Информатика. 2015. № 4. С. 123–128. DOI:10.21686/2500-3925-2015-4-123-128

7. Мигранян А. А. Опыт стран Евразийского экономического союза. Риски и потенциал социально ориентированной экономической политики // Научно-аналитический журнал «Обозреватель» — Observe. 2022. № 11–12. С. 80–94. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_80
8. Непчатых О. Ю., Орехова М. С., Довтаев С.-А. Ш. Современные тенденции развития жилищной политики в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44 (6). С. 222–225.
9. Нурсымбат С. С., Назерке А. А. Сравнительный анализ мер социальной поддержки населения в странах ЕАЭС в период глобальной пандемии // Экономика: стратегия и практика. 2021. Т. 6. № 1. С. 155–163.
10. Осадчая Г. И., Вартанова М. Л. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 62–74. DOI:10.22394/2304-3369-2021-1-62-74
11. Петроченко А. А. Проблемы занятости молодежи стран Евразийского экономического союза // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. Т. 20. № 1. С. 127–135. DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.1.13
12. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Государственное регулирование поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 1 (69). С. 102–107. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_102
13. Савельева Е. А. Механизмы регулирования оплаты труда в условиях единого цифрового рынка труда ЕАЭС // Экономика Центральной Азии. 2019. Т. 3. № 3. С. 169–182. DOI:10.18334/asia.3.3.41191
14. Шошмин А. В., Бесстрашнова Я. К. Оценка себестоимости персонального сопровождаемого трудоустройства инвалида. Медико-социальная экспертиза и реабилитация. Сборник научных статей. Минск, 2015. 200 с.
15. Hancock K. J., Libman A. Eurasia. In T. A. Boerzel, and T. Risse (Eds.) // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 202–224.
16. Tarr D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed? // Eastern European Economics. 2016. No. 54 (1). P. 1–22. DOI: 10.1080/00128775.2015.1105672

Об авторах:

Рубцов Геннадий Геннадьевич, соискатель ученой степени кандидата наук в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: rubtsov-gg@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-0296-878X

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов в Северо-Западном институте управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; доцент;
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7351-7455

References

1. Asaul A. N., Asylbaev A. B., Niyazalieva K. N. [et al.]. Dynamics of Development of the Housing Stock in the Context of Predicted Demographic Growth in the Member States of the EAEU // Russian Journal of Housing Research [Zhilishchnyye strategii]. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 343–362. (In Rus.) DOI: 10.18334/zhs.8.4.113688
2. Blagodir A. L. Employment of Disabled People in the EAEU Countries: Analysis of Legislation // Labor Law in Russia and Abroad [Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom]. 2018. No. 4. P. 53–56. (In Rus.)
3. Borodushko I. V. Trends and Problems of Socio-Economic Development of the Countries of the Eurasian Economic Union // Scientific Notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2017. No. 2 (62). P. 9–15. (In Rus.)
4. Vasin S. A., Gorlin Yu. M., Grishina E. E. [et al.]. Organization and Implementation of Comprehensive Monitoring of the Situation of Persons with Disabilities in Russia in the light of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Moscow : Ed. house “Delo” RANEPА. 2014. 102 p. (In Rus.)
5. Zhumatova G. M., Zhumakanova U. S., Eleukina D. A. Fundamentals of Family Law in Kazakhstan and the Possibility of Its Development // Young Scientist [Molodoy uchenyy]. 2018. No. 33. P. 98–101. (In Rus.)
6. Karmanov M. V., Kuchmaeva O. V., Petryakova O. L. Demographic Security: Theory, Methodology, Assessment // Economics, Statistics and Informatics [Ekonomika, Statistika i Informatika]. 2015. No. 4. P. 123–128. (In Rus.) DOI: 10.21686/2500-3925-2015-4-123-128

7. Migranyan A. A. Experience of the Countries of the Eurasian Economic Union. Risks and Potential of Socially Oriented Economic Policy // Scientific and Analytical Journal "Obozrevatel" — Observe [Nauchno-analiticheskii zhurnal «Obozrevatel'» — Observe]. 2022. No. 11–12. P. 80–94. (In Rus.) DOI: 10.48137/2074-2975_2022_11-12_80
8. Nepochatykh O. Y., Orekhova M. S., Dovtaev S.-A. Sh. Modern Trends in the Development of Housing Policy in Russia // Natural-Humanitarian Studies [Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya]. 2022. No. 44 (6). P. 222–225. (In Rus.)
9. Nursymbat S. S., Nazerke A. A. Comparative Analysis of Social Support Measures for the Population in the EAEU Countries during the Global Pandemic // Economics: Strategy and Practice [Ekonomika: strategiya i praktika]. 2021. V. 6. No. 1. P. 155–163. (In Rus.)
10. Osadchaya G. I., Vartanova M. L. Demographic Security and Trends in the Development of Migration Processes in the Eurasian Economic Union during the Pandemic (COVID-19) // Management Issues [Voprosy upravleniya]. 2021. No. 1. P. 62–74. (In Rus.) DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-62-74
11. Petrochenko A. A. Problems of Youth Employment in the Countries of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Volgograd State University [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2018. Vol. 20. No. 1. P. 127–135. (In Rus.) DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.1.13
12. Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A. State Regulation of Support for a Young Children's Family in the EAEU | Countries // Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo]. 2023. No. 1 (69). P. 102–107. (In Rus.) DOI: 10.52452/18115942_2023_1_102
13. Savelyeva E. A. Mechanisms for Regulating Wages in the Conditions of a Single Digital Labor Market of the EAEU // Economics of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noy Azii]. 2019. Vol. 3. No. 3. P. 169–182. (In Rus.) DOI: 10.18334/asia.3.3.41191
14. Shoshmin A. V., Besstrashnova Ya. K. Estimation of the Cost of Personal Accompanied Employment of a Disabled Person. Medico-Social Expertise and Rehabilitation. Collection of Scientific Articles. Minsk, 2015. 200 p. (In Rus.)
15. Hancock K. J., Libman A. Eurasia. In T. A. Boerzel, and T. Risse (Eds.). The Oxford handbook of comparative regionalism. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 202–224.
16. Tarr D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed? // Eastern European Economics. 2016. No. 54 (1). P. 1–22. DOI: 10.1080/00128775.2015.1105672

About the authors:

Gennady G. Rubtsov, Applicant for the Degree of Candidate of Sciences at the North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);

e-mail: rubtsov-gg@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-0296-878X

Oleg N. Misko, Head of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance, North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy);

e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7351-7455